

РУССКИЙ ЯЗЫК
В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

№ 3
1929

О РАБОТЕ НАД ЧЕХОВЫМ В ШКОЛЕ

К. Б. Бархин

Программы ГУС'а намечают к проработке в трудовой школе следующие произведения Чехова:

1. Лошадиная фамилия
Хирургия
Спать хочется	}	На 5-м году обучения
2. а) Новая дача
Злоумышленник
Унтер Пришибеев
Мужики	}	На 6-м году обучения (в качестве обязательного чтения)
б) Беглец
Смерть чиновника
Накануне поста
Тоска
Орден
Переселка	}	На 6-м году обучения (в качестве чтения внеклассного)
3. а) Дядя Ваня (или Вишневый сад)
Человек и футляр	}	На 9-м году обучения — обязательные темы
б) Сочинения Чехова	}	На 9-м году (в качестве внеклассного чтения)

Список этот нельзя признать ни удачным по выбору, ни достаточно полным по охвату. Значительная часть рекомендуемых программой чеховских произведений — рассказы-анекдоты, относящиеся к первым по времени литературным опытам Чехова. Конечно, дети от души будут смеяться при чтении «Лошадиной фамилии», — одни словечки чего стоят: Кобылин, Кобылятников, Жеребчиков, Жеребкин, Лошаков, Лошадицкий, Рысистый, Черезседельников и т. д. Здоровый смех, несомненно, полезен, но все же с этим рассказом в 5-й группе делать нечего: посмеялись — и закрыли книгу. В девятой группе, изучая Чехова, можно указать в «Лошадиной фамилии» то внешне комическое, которое так характерно для раннего Чехова. Чехов в период писания этих рассказов выступал в «Стрекозе» и «Осколках» со своими «смешными» историями. Это было время, когда общественно-политический юмор был взят правительством под подозрение, и журналы, предназначенные для обличения, стали служить развлечению. Один из видов внешне-комического — комическое имен, и Чехов создал десятки прозвищ, от которых, по отзыву его брата М. П. Чехова, можно было животики надорвать. Анализ комического у раннего Чехова — комического имен, комического непонятных для говорящего слов («Сын мой Степан слаб здо-

ровнем, его поэтому я отдал учиться в Крым, там его выдрали виноградной лозой, от этого у него ниже спины забелась филексера»), комического гипербола («В сарае дурно пахнет: десять лет тому назад в нем ночевали косари») и комическое градаций,— все это не по силам учащимся 5-й и 6-й групп, и потому им не над чем работать в рекомендуемых программой рассказах: «Лошадиная фамилия», «Смерть чиновника», «Орден», «Переселение». В этих рассказах-анекдотах нет психологии, нет картин природы. Есть в них сжатая и эффектная конструкция анекдота с его неожиданной и острой развязкой, но она не может быть предметом анализа в 5—6 группах.

Для той же 5-й группы предназначается программой рассказ Чехова «Спать хочется» — мастерское описание полувменяемого состояния, когда явь и бред сливаются в одно серое, тягучее, несончаемое. Практики-криминалисты и врачи-психиатры знают про это непреодолимое «несчастие сонливости», при котором человек перестает управлять своими действиями и в то же время продолжает видеть, слышать, производить привычные движения. Вряд ли нужна ребенку 12—13 лет вся эта сложная, угнетающая психо-патология.

«Ложное представление», прочтет он в конце рассказа, — овладевает Варькой. Она встает с табурета и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнате. Ей приятно и щекотно от мысли, что она сейчас избавится от ребенка, скрывающегося ее по рукам и ногам... Убить ребенка, а потом спать, спать, спать... Смеясь, подмигивая и троя зеленому пятну пальцами, Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости...

Сердце юного читателя сожмется от ужаса и жалости к несчастной, замученной работой Варьке, если только его воображение сумеет нарисовать всю эту реалио-фантастическую картину. Эти страдания юного читателя не могут быть оправданы никакими положительными результатами изучения рассказа «Спать хочется».

Следует остановиться еще на одном указании программы. Для 9-го года обучения в качестве материала внеклассного чтения рекомендуются «Сочинения Чехова», иначе говоря, рабочий стол учащегося загромождается двадцатью четырьмя томами произведений Чехова (23 тт. в издании А. Маркса и томиком «Несобранных рассказов» в издании «Academia»). Нужен ли учащемуся 9-й группы «Роман с контрабасом», нужны ли ему «Длинный язык», «Тина», «В почтовом отделении», «Живая хронология», «На страстной неделе», «Святой ночью», «У предводительши» и т. д.? Не нужны.

На вполне естественный вопрос учащегося 8-й и 9-й групп: «Что мне читать из сочинений Чехова?», — мы ответили бы таким списком (кроме указанных в программе):

I том

«Сирена», «Альбом», «Случай с классиком», «Оратор», «Брак по расчету», «Врождение умов», «Репетитор», «Экзамен на чин», «Надежные меры», «Из дневника помощника бухгалтера», «Гриша», «Жалобная книга», «Скорая помощь», — 37 страниц.

II том

«Радость», «В циркуль», «Мальчики», «Иван Матвеевич», «Приданное», «Свадьба», «Гемнота», «Кухарка женится», «Шило в мешке», «Ну, публика», «Налим», «Хамелеон», — 50 страниц.

III том

«Анюта», «Неосторожность», «Детвора», «Нахлебники», «Талант», «В сарае», «Нищий», — 33 страницы.

IV том

«Красавицы», «Весной», «Белолобый», «Горе», «Егерь», «Мечты», «Недоброе дело», «Дома», «Ведьма», «Беспокойный гость», «На пути», «Событие», — 85 страниц.

V том

«Враги», «Счастье», «Тиф», «Ванька», «Свирель», «Степь», — 133 страницы.

VI том

«Воры», «Пари», «Почта», — 29 страниц.

VII том

«Холодная кровь», «Скучная история», «Шампанское», «В ссылке», — 91 страница.

VIII том

«Учитель», «Палата № 6», «Гусев», — 72 страницы.

IX том

«Бабы царство», «Попрыгунья», «Скрипка Ротшильда», — 73 страницы.

X том

«Учитель словесности», — 23 страницы.

XI том

«Дом с мезонином», — 13 страниц.

XII том

«Случай из практики», «Душечка», «По делам службы», «Ионыч», «Дама с собачкой», «В овраге», «Крыжовник», — 88 страниц.

XIII том

«Иванов», «Чайка», — 111 страниц.

XIV том

«Дядя Ваня», «Три сестры», — 105 страниц.

XXI том

«Невеста», — 18 страниц.

В этом списке мы привели почти все произведения Чехова, представляющие интерес для учащегося семилетки и девятилетки, как иллюстрация способов восприятия Чеховым действительности и преломления ее «сквозь магический кристалл» художественного творчества. Эти произведения дадут учащимся возможность изучить стиль русских новеллистов, возглавляемых Чеховым.

Изучаются произведения Чехова, как и все вообще художественные произведения, при втором, так называемом «медленном» чтении. Первое чтение, не прерываемое никакими отступлениями, имеет задачей дать цельное представление о вещи. Вводится «медленное» чтение для того, чтобы изучить словесную ткань произведения, понять его построение, выявить художественные приемы писателя, и на основе знакомства с этим произведением получить соответствующее представление о социальном облике автора, об особенностях его стиля.

Когда мы говорим — «изучение произведения», мы имеем в виду изучение текста, а не чужих мнений об этом тексте. В учебниках по истории литературы, составляемых для учащихся старой, дореволюционной школы, обыкновенно приводилось довольно подробно содержание произведения и отрывки из «классических» статей о нем. Нередко учащиеся, узнав из учебной книжки содержание, не находили нужным знакомиться с текстом произведения. Судили они об этом произведении тоже с чужих слов и в своих сочинениях говорили устами критиков, чьи мнения отрывочно и даже противоречиво приводились в учебниках. В основу работы в новой школе следует класть, конечно, текст.

Научные исследования о писателе (таких исследований о Чехове пока, к сожалению, нет) дают произведению необходимое освещение и историко-литературный комментарий; критическая же статья о писателе, сама являясь литературным фактом, не имеет для класса обязательного значения. Критическая статья полезна тем, что учащийся может сравнить свою точку зрения с точкой зрения человека со вкусом, знаниями, с сложившимся мировоззрением; но и такие люди могут ошибаться, и их мнение для учащегося обязательно лишь постольку, поскольку учащийся считает его правильным. Чтобы опереться на свое мнение, класс раньше, чем приступить к чтению критической статьи, должен основательно познакомиться с тем литературным произведением, о котором у критика идет речь. Другое дело — книги и статьи, дающие учащемуся (конечно, старших групп) представление о самом методе, при помощи которого надлежит изучать данное литературное явление. Такие книги, посвященные выяснению характера литературной деятельности отдельных писателей, знакомят читателя с тем, как следует изучать литературное произведение вообще.

Изучать Чехова приходится пока по изданию А. Ф. Маркса. В текущем году должно было выйти новое гизовское издание Чехова под редакцией и при самом близком участии литературоведов-марксистов. В 1929 г. появились «Несобранные рассказы» Чехова (в издании «Academia», редакция И. Зильберштейна, стр. 501), почти исчерпывающе характеризующие раннего Чехова — сотрудника «легких» юмористических журналов.

Заметки, отрывки, мысли, темы и «планы будущих произведений» Чехова в полном виде представлены в издании Госуд. академии художественных наук (редакция Л. П. Гроссманна, М. 1927 г. Стр. 137) под названием «Записные книжки Чехова». Эти заметки, отрывки, мысли и т. д. Чехова вводят читателя в самую лабораторию творчества художника и могут сыграть значительную стимулирующую роль, как нами будет показано дальше, для процесса свободного словесного творчества учащихся.

Исключительно большое значение для понимания Чехова представляют его письма (6 тт. — М. 1912—16 гг.), изд. М. П. Чеховой. Позднейшие издания: «Новые письма» (изд. «Атеней», П. 1922 г.) и «Чехов и Короленко» — переписка (М. 1923 г.) дают для школьного изучения Чехова сравнительно мало. Непревзойденный в русской литературе образец свободного эпистолярного стиля, письма эти рассказывают историю не только писателя, выявляют не только его литературные и общественно-политические мнения, но и историю окружающей его широкой писательской среды — от Короленко до Суворина и Мейншикова. Следует вообще включать в круг изучения учащимися старших групп материалы о том или другом писателе и его письма, преподнося их классу по строгому отбору (такой отбор по отношению к письмам Чехова сделан, между прочим, В. Львовым-Рогачевским в его книге «А. П. Чехов в воспоминаниях и т. д., стр. 83—184). Пользуемся случаем, чтобы подчеркнуть значение изучения писем литературного деятеля, которые для учащихся, кроме самих литературных произведений, являются единственным материалом, над которым учащийся может исследовательски поработать, выясняя психологию писателя, «классовое» в нем. В переписке изучающий находит объяснение фактов уже известных по художественному произведению, узнает мотивы и намерения автора. Письма представляют правдивую историю всего творчества художника: первоначальный замысел, последовательные изменения, непосредственное влияние друзей и окружения вообще, наконец, хронологические даты. Изучение писем литераторов дореволюционной России тем более важно, что цензурные условия часто совершенно искажали смысл их произведений и только в интимной передаче «глубоких

дум, сердечных вдохновений» бьет еще ключ настоящей неискаленной жизни.

Научно-написанной биографии Чехова, которая явилась бы и главой из истории русской общественности и журналистики (в частности, главой из истории русского юмористического журнала и нового русского театра) у нас до сих пор нет, хотя опубликованного в печати материала для такой биографии вполне достаточно. Раннюю юность Чехова внимательно освещает Ф. Мускаблит (в сборнике «Русская быль»: «А. П. Чехов», М. 1910. Стр. 1—136); очерк, дающий обрисовку всей жизни Чехова, принадлежит А. А. Измайлову и является приложением к дополнительным томам «Полного собрания сочинений» (изд. А. Маркса, т. XXII, стр. 82—279); из этого очерка родилась большая книга того же автора: «Чехов, 1860—1904» (М. 1916. Стр. 592 + VIII). Написанная «легко», в стиле большого газетного фельетона, книга эта все же подводит итог всем материалам о Чехове, появившимся в печати до 1916 года. Неприемлемо слабы последние три главы этого измайловского «биографического наброска» (стр. 533—583¹⁾.

Хронологическая канва к произведениям Чехова дана в «Истории русской литературы XIX в. под редакцией Овсяннико-Куликовского (т. V-й, М., 1910 год, стр. 552 и дальше), в упомянутой уже нами книге В. Львова-Рогачевского «А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах» (стр. 9—17), в «Путеводителе по русской литературе XIX в.» И. Розанова (М., 1927 года, стр. 294 и д.), в гизовском сборнике «А. П. Чехов» (М. — Л., 1928 года, стр. 8 и др.).

«Чехониана» (книги и статьи о Чехове) необъятно велика. Мы отметили здесь только то, что может иметь отношение к школьному изучению писателя.

Из старых сборников историко-литературных статей о Чехове (В. Покровского, Н. Покровского, И. Лыскова и др.) ни один не сохранил до наших дней значения полезного пособия. Составленные по лоскуткам из работ критиков самых разнородных и исключаящих друг друга направлений, нередко воспроизводящие газетные статьи, потерявшие значение на другой же день после своего появления, эти сборники носили характер книг, сфабрикованных на скорую руку, без какой бы то ни было объединяющей идеи. Самый полный из этих сборников — В. Покровского («Антон Павлович Чехов», М. 1907. Стр. 1062) имел целью ответить на все вопросы, какие могли тревожить школьника, вынужденного писать сочинение о Чехове. Составителя мало огорчал тот факт, что на один вопрос школьник получал у него ответ из уст критика-народника, на другой — из уст критика-марксиста.

Из дореволюционной критики (обзор работ о Чехове сделан А. Фоминым в его библиографическом указателе: «Чехов в русской критике», СПб. 1907 г.) заслуживают внимания лишь статьи Н. К. Михайловского, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и П. Струве.

Взгляд Михайловского на Чехова (Сочинения Михайловского, т. VI. СПб., 1897 г., стр. 775—784, 1039—1046) на долгое время определил у нас отношение к этому писателю передовой критики. Михайловский, как известно, обвинял Чехова в принципиальном безразличии в выборе тем

¹⁾ Наконец, отметим ряд биографических очерков, приложенных к «Письмам А. П. Чехова» (I т. в 1912 г., VI т. в 1926 г.). Они составлены братом писателя — М. П. Чеховым и являются к этим письмам хорошим биографическим комментарием. Перу того же М. П. Чехова принадлежит книга «Антон Чехов и его сюжеты» (М. 1923 г.), в которой дан очерк жизни А. П. и указано происхождение сюжетов многих его произведений.

и глубоко, роковым безучастии ко всему, что вокруг него происходило. «Самый искусный аналитик,— говорил Михайловский,— не найдет в Чехове ни общей идеи, ни чутко настроенного в какую-либо определенную сторону интереса». Впоследствии Михайловский изменил свое мнение о Чехове; критик объяснял это тем, что сам Чехов изменился: «Старая тема Чехова — житейская пошлость — продолжает и теперь интересовать его, но она уже не смешна, а и страшна и ненавистна». Для Михайловского Чехов второго периода — поэт тоски по общей идее и мучительного сознания ее необходимости. Изображение двух Чеховых — «смеющегося и тоскующего» — Михайловский дал в статье «Кое-что о Чехове», воспроизведенной в «Последних сочинениях» в тт. 1 (Спб., 1905, стр. 282—306) и II (Спб., 1905, стр. 153—172).

Этюды Овсяннико-Куликовского о творчестве Чехова («Собрание сочинений» Овсяннико-Куликовского, т. V. Спб., 1909 г., стр. 114—174) являются попыткой заглянуть в художественную лабораторию писателя; критик делает это на анализе трех выдающихся произведений Чехова: повестей «Ионыч» и «В овраге» и пьесы «Вишневый сад». Разбирая повесть «В овраге», Овсяннико-Куликовский все время стоит на почве социологической критики. Повесть трактуется как «картина жизни той самобытной буржуазии, которая возникает (речь идет о моменте появления повести «В овраге») у нас не только в городах, но и в селах». Развитие экономического процесса формировало у нас к этому времени новый тип кулака-живодера, и он как будто бы освобожден у Чехова от личной ответственности за все, что делает. В этом мире наживы живодеры не останавливаются перед тем, что другие люди называют преступлением: один только страх перед жизнью — у Липы и отчасти у Варвары — является своеобразным протестом. Овсяннико-Куликовскому принадлежит, во всяком случае, лучшее, что было сказано у нас о чеховской повести «В овраге». Рассуждения же критика об образах символических и типичных, о сущности лирики — должны быть отнесены к области весьма спорной.

Разбирая «Вишневый сад», Овсяннико-Куликовский делает смотр произведениям русской литературы от Гоголя до Чехова. По мнению критика, предсмертная драма Чехова подводит итог 60-летию периоду русской художественной литературы, и Раневская, Гаев, Фирс являются художественными итогами; лишь одного Лопухина следует признать героем новой (в годы появления «Вишневого сада») полосы русской жизни. Статьями Михайловского и Овсяннико-Куликовского исчерпывается все в домарксистской литературе о Чехове, что еще представляет известный интерес для наших учащихся. Частично (особенно неудачно урезана работа Овсяннико-Куликовского) статьи эти помещены в сборнике Гиза «А. П. Чехов» (редакция В. М. Фриче, М.—Л. 1928, стр. 37—47, 62—65).

Мнение о Чехове (в частности, о повести Чехова «Мужики»), противоположное мнению Михайловского, было высказано Петром Струве. В 90-х гг. прошлого века Струве объявлял себя «учеником великих учителей — Маркса и Энгельса». В основу этого мнения (первоначально статьи Струве о чеховских «Мужиках» были напечатаны в журнале «Новое слово», а потом они вошли в его сборник «На разные темы». 1893—1901 гг. Спб., 1902, стр. 120—146) легло совершенно правильное утверждение, что если есть руководящие идеи в общественной жизни, они должны быть и в беллетристике. «Тайна изумительного богатства и мощи нашей классической литературы,— говорит Струве (ту же мысль высказывал и Евг. Соловьев), — заключается в том, что она обладала заимствованной из самой жизни руководящей общественной идеей». Эта идея — отрицание крепостного права. Литература же времени Чехова, — по мнению Струве, — не

была объединена общественной центральной идеей, а она лишь искала ее и должна была найти там, где она, эта идея, намечена жизнью, — в разрешении политических и общественных вопросов путем выступления на арену борьбы организованного рабочего класса. И заслуга автора «Мужиков», — писал Петр Струве, — что он, «не боясь раздражить морализующих народников (намек, конечно, на Михайловского), раскрыл уголок стихийного героизма общественных форм и общественного сознания...» Чехов дал сосредоточенное изображение жизни, которая уже ко времени создания «Мужиков» приводила у нас к «центральной объединяющей идее».

Во второй своей статье — «Мужики» Чехова и Михайловский — Струве довольно остро и убедительно указывает на ошибки критика «Русского богатства» в его оценке чеховского творчества (ту же работу продвигает Н. Ангарский в статье «Чехов и Михайловский», журнал «Современный мир», 1915 г., кн. 12). Но в той же второй статье Струве виден его отход от почвы учения Маркса и Энгельса и присоединение к критической конструкции в духе «гносеологического монизма»...

Переходим теперь к новым сборникам статей о Чехове, выпускаемым для школ и юношества. Начнем с издания «Никитинских субботников» («А. П. Чехов», М., 1928, стр. 251, 16°), в серии книг, носящих общее название «Классики в марксистском освещении». Содержание сборника такое: хронологическая таблица жизни и творчества Чехова, статьи А. В. Луначарского, П. И. Лебедева-Полянского, В. В. Воровского, Евг. Соловьева, В. А. Львова-Рогачевского, Я. А. Назаренко, М. П. Неведомского, И. Н. Кубикова и Н. К. Пиксанова, наконец, указатель марксистской литературы по творчеству Чехова.

Главным недостатком сборника является полное отсутствие школьных проработок — нет ни контрольных вопросов, ни тем для сочинений, ни вообще каких бы то ни было разъяснений для юного читателя. Хронологическая канва составлена недостаточно полно и точно. Под 1888 обозначено: «Академия наук присудила Чехову Пушкинскую премию...», на самом деле Чехову была присуждена только половина этой премии. Дата смерти обозначена 1904 г., 2-го июля, без указания стиля; но по новому стилю смерть Чехова пришлось на 15-е июля. Указатель марксистской литературы слишком краток, чтобы быть исчерпывающим (мы не приводим здесь пропусков, нужно было бы привести десятки статей), и слишком полон, чтобы быть «рабочим указателем», т. е. отмечающим лишь те книги, без знания которых нельзя обойтись всякому приступающему к изучению Чехова. Зачем юному читателю знакомиться, скажем, со статьями В. Шулятикова, помещенными в газете «Курьер» 37 лет тому назад? Не следует также под разными названиями приводить одни и те же статьи. Так, под фамилией Струве помещены три названия, а третье название «На разные темы» (сборник статей Петра Струве) поглощает как раз два предыдущих (стр. 121—123 и 134—146). Но в общем, учитывая бедность школьной литературы о Чехове, следует признать и сборник «Никитинских субботников» не бесполезным пособием.

Второй сборник гизовский, под редакцией В. М. Фриче. Он открывается, как и сборник «Никитинских субботников», статьей А. В. Луначарского «Чем может быть Чехов для нас», только взятой с большими купюрами. Общей же статьей в обоих сборниках является отрывок из статьи В. Воровского. Издание Гиза имеет чисто школьную установку и может быть рекомендовано в качестве удачно составленного пособия для школ II ступени, техникумов и рабфаков. Каждая статья сопровождается вопросами и задачами для проработки. Напрасно только после ряда контрольных вопросов даются так называемые «темы по статье», т. е. учащимся предлагается устное или письменное сочинение в духе и по материа-

лам прочитанной статьи. Такие пересказы нужно признать не только лишними, но прямо вредными. Лишней мы считаем в этом сборнике и статью Г. Шенгели, дающую, по определению редакции сборника, «примерный анализ Чеховской новеллы». Этот анализ для нашей школы не может быть признан образцовым. К сборнику приложен ряд тем и заданий для проработки отдельных произведений Чехова, но об этой части сборника нам придется еще говорить ниже.

Чтобы закончить обзорные сборники статей и материалов о Чехове, изданных на помощь юношеству, изучающему литературу, остановимся еще на книге В. А. Львова-Рогачевского: «А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах» (М., 1923 г., стр. 207). Открывается книга краткой автобиографией Чехова (из его письма к Г. И. Россолимо от 2/XI 1899 г.), затем идет хронологическая канва жизни и творчества А. П., более подробная, чем в других сборниках. Следующий раздел составляют отрывки из воспоминаний о Чехове: Тана, Куприна, Елпатьевского, С. Венгерова, Ф. Батюшкова и ряда артистов: Станиславского, Качалова, Вишневского. Центральную часть книги (стр. 83—172) составляют письма Чехова и письма к Чехову (Д. Григоровича, А. Плещеева, известное письмо Михайловского по поводу чеховской новости «Степь»); к сожалению, нет писем Короленко, которые к моменту появления книги В. Львова-Рогачевского были изданы под ред. Н. К. Пиксанова. За письмами идет ряд заметок и набросков Чехова из его записных книжек (ко времени выхода книги В. Львова-Рогачевского была опубликована только часть записей, — «Записные книжки» изданы ГАХН лишь в 1927 году). Закладывает сборник библиография с краткой аннотацией, впрочем, не всегда уясняющей читателю характер называемой работы, — статья, напр., Эйхенбаума определяется следующими 5 словами: «Дает обстоятельный анализ чеховской манеры». Кое с чем в этих аннотациях согласиться нельзя; так, весьма спорным кажется нам отзыв о работе Айхенвальда «Чехов, основные моменты его произведений», которая будто бы дает «живой образ Чехова как художника». Но имеющиеся недостатки не могут лишить книгу В. Львова-Рогачевского значения пособия при школьном изучении произведений Чехова.

Назовем полезную «хрестоматию по Чехову» — сборник В. Фейдер «А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам» (Л. 1928 г.), содержащий в себе выдержки из писем Чехова и к Чехову и выдержки из обширной мемуарной литературы об А. П. Выдержки эти сделаны с несомненным пониманием дела и вкусом.

В разобранных нами сборниках «Никитинских субботников» и Гиза нашла свое отражение марксистская мысль, в направлении которой и следует истолковывать в школе чеховские произведения. А. В. Луначарский так определяет социальное и писательское лицо Чехова:

«Он не был достаточно туп и фанатичен, чтобы идти за волей выветрившегося народничества; он не был достаточно остр и мужествен, чтобы найти марксистские пути; он не был так пошл и зауряден, чтобы найти исход в хрюкающем обывательстве и в простом подчинении действительности. Он был настроен жгуче-протестантски по отношению к своему кошмарному времени. Он великолепно подмечает все реалистические черты окружающего быта. Он дает поразительный анализ крестьянства, мелкого мещанства, интеллигенции всех типов, чиновничества и т. д.; нет, пожалуй, ни одного класса, ни одной социальной группы, которые Чехов скорбно или юмористически не отобразил бы в волшебном зеркале своего искусства».

А. В. Луначарский блестяще выясняет, что такое чеховский юмор и его лирическая печаль — две основные стихии чеховского стиля; обе эти стихии автор показывает в связи с социальным бытием писателя, с его идеологией.

О причинах появления у нас «лишних людей» и их психологии писал В. В. Воровский (книга «Русская литература и русская интеллигенция». Харьков, 1923). Термин «лишний человек» появился в нашей литературе очень давно. В этом термине для целого ряда поколений русской интеллигенции звучало что-то роковое, грозное; здесь и проклятия, посылаемые детьми отцам, и приговор историн.

Что же такое «лишний человек»? Человек, не сумевший завоевать себе место в жизни, не добившийся личного счастья, не нужный другим, не проявивший, как выражался Овсянко-Куликовский, своей «общественной стойкости». В. Воровский выяснял причины, создававшие из представителей передовой части общества людей, ненужных никому, лишних для всех; попутно он отмечает, что Чехов во всех своих пьесах «изображает только один момент из жизни «лишних людей», именно — их гибель». И все эти люди, по представлению Чехова, все эти поколения не только погибают, но должны погибнуть, чтоб освободить свое место борцам за активную, здоровую и красивую жизнь, и не даром П. И. Лебедев-Полянский в своей статье, посвященной характеристике Чехова (перепечатана в сборнике «Никитинских субботников») берет эпиграфом (как бы от лица Чехова) многоговорящие стихи из «Железной дороги» Некрасова:

Жаль только, жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе...

В. М. Фриче дал характеристику чеховскому импрессионизму; он же дал и ответ на вопрос основного значения: отчего в творчестве Чехова преобладающим жанром является повелла.

Интересна статья Михаила Кольцова «Чехов без грима» (она была напечатана в «Правде», 1928, № 163, и не вошла ни в один из названных нами сборников). В этой статье Чехов представлен смелым, беспощадным сатириком, выставляющим на общее посмешище пустые страдания пустых людей, писателем, вбивающим острый колышек в могилу русской никчемной интеллигенции. По мнению М. Кольцова, Чехов не певец «сумеречных людей», как принято было думать и говорить, а их грозный и красноречивый обвинитель.

Постановка М. Кольцовым вопроса о необходимости пересмотра «уже окаменевшего» взгляда на Чехова заслуживает особого внимания, но решающим моментом в суждении о значении Чехова, как писателя, следует признать все же отношение к нему современников. В. Я. Брюсов и В. В. Розанов приводили в свое время много сильных доводов в защиту мнения, что Гоголь не писатель-реалист, а писатель-фантаст, художник болезненно гиперболической манеры, но современники видели в Гоголе реалиста, в его изображении губернского города N (в «Мертвых душах») видели обобщающее воспроизведение ряда русских губернских городов, и суждение о Гоголе не может не считаться с этим мнением читателей и критиков-современников.

Эпитет «чеховский» при жизни Антона Павловича сделался, как известно, нарицательным именем для известного рода настроений, томительно-серых и беспросветных, от которых — подчеркнем это — автор не отделял себя ни в лирических новеллах, ни в драмах, — сатирик же всегда отделяет себя от изображаемого им мира. Статьи, подобные фельетону М. Кольцова, полезны тем, что напоминают читателю о необходимости различать понятие «Чехов» от понятия «чеховщина». Представители «чеховщины» — существа безвольные, со всеми признаками вырождения и социального, и часто биологического. Чехов же — тип хорошо организованного культурного работника, он умеет годами носить в себе творческие замыслы и умеет осуществлять их.

**

Темы и задания по школьной проработке Чехова разработаны в книгах Н. К. Пиксанова («Два века русской литературы», М.—Л. 1922 г., стр. 171—176), М. А. Рыбниковой («Русская литература в вопросах, темах и заданиях», М. 1927 г., стр. 103—113), В. В. Голубкова и М. А. Рыбниковой («Изучение литературы в школе II ступени», М.—Л., 1928, стр. 101—105), в гизовском сборнике «А. П. Чехов» (стр. 150—159), в издании Ленинградского отдела народного образования («К программам ГУС'а по языку и литературе», М., 1928 г.) и в книге Г. Рубцовой «Художественное слово в школе. 5—7 годы обучения» под ред. А. Я. Гуревич (М.—Л., 1929, стр. 109—112).

Пиксановские темы рассчитаны на студента. Его книга «Два века» возникла из рукописных библиографических списков, предлагавшихся автором в пособие участникам литературного семинария высшего учебного заведения. Но следующие темы из сборника Н. К. Пиксанова, думается нам, подошли бы и к старшим группам (8-й и 9-й) трудовой школы: «Поэтика и юмореска у Чехова» (для наших школьников эту тему можно было бы назвать «Комическое у Чехова»: комическое имен, комическое гипербол и т. д.), «Поэтика заглавий у Чехова» (можно и проще назвать: «Заглавия у Чехова»), «Провинциализмы у Чехова».

Широко разработаны темы о Чехове у М. А. Рыбниковой, но некоторые задания, приводимые ею, не под силу нашему школьнику (например, «Гоголевское и Щедринское в ранних рассказах Чехова» или «Чехов в окружении писателей-современников (Григорович, Гаршин, Короленко, Толстой, Горький и др.)»); часть вопросов формулирована недостаточно ясно; указанная для некоторых работ литература является совершенно недостаточной, но во всяком случае глава в книге М. А. Рыбниковой, посвященная Чехову,—лучшее, что у нас имеется по проработке в школе произведений этого писателя.

В методическом пособии В. В. Голубкова и М. А. Рыбниковой указываются приемы для классного разбора чеховских рассказов. «Новая дача», «Злоумышленники», «Уитер Пришибеев», «Мужики»: В большинстве указаний, даваемых составителями пособия, чувствуется педагогический опыт методистов. Не со всеми, однако, их советами можно согласиться. Так, думается нам, незачем устраивать суд над персонажами «Мужиков»; незачем извлекать из произведения пресловутую «идею» — мы, например, не уверены, что выделенные составителями на стр. 101 строки из «Мужиков» действительно выражают «идею» этого произведения. Лишними считаем мы и вопросы, направленные к выяснению разницы между «очерком» и «повестью». Удачен прием с перестановкой глав, имеющий целью показать, что в «Мужиках» нет единой событийной линии (прием этот нашел себе обоснование в книге М. А. Рыбниковой «По вопросам композиции»,—М., 1924 г., стр. 46 и дальше).

Вполне по силам учащегося 8-й и 9-й группы задания и темы, помещенные в гизовском сборнике «А. П. Чехов» (они имеют в виду проработку произведений Чехова «Мужики», «В овраге», «Новая дача», «Вишневый сад»); нехорошо, что в некоторых случаях вопросы не раскрывают учащимся, что им нужно сделать, на что обратить внимание, чтобы на этот самый вопрос ответить: так, на стр. 152 учащиеся получают задание в форме телеграммы: «Построение (композиция) «В овраге». Что же должен сделать учащийся, получивший эту «телеграмму»? Как ему найти ответ? По всей вероятности, преподаватели запротестуют и против такого совершенно

ненужного, сбивающегося на курьез задания (оно названо в сборнике: задание-максимум № 1 и взято из работы Эйхенбаума):

1. Прочтите следующую оценку смеха Гоголя и Чехова.

«У одного — кривая, страдальческая и часто злобная усмешка... у другого — грустная, добрая, близорукая улыбка, улыбка врача, который шутит у постели тяжело больного. У одного рожь вместо людей, постоянный излом жизни, трагическая карикатура... у другого — юмор на фоне слегка искаженной действительности» (Эйхенбаум).

2. По известным вам юмористическим произведениям Гоголя и Чехова проверьте справедливость этой оценки.

«Оценка» Эйхенбаума — прежде всего не научна, и класть ее в основу «задания-максимума № 1», конечно, не следует.

Не совсем удачна и схема проработки чеховских вещей в методическом пособии, изданном Ленинградским областным отделом народного образования («К программам ГУС'а по языку и литературе», стр. 124 и дальше¹⁾).

То же приходится сказать и об отделе в книге Г. Рубцовой, посвященном школьной проработке рассказов Чехова.

Во всех названных методических пособиях почти ничего не говорится о свободном словесном творчестве учащихся в связи с изучением Чехова.

**

Мы считаем возможным следующее построение творческой работы по Чехову в средней школе. Изучая чужое законченное произведение, нелегко разглядеть, как оно «сделано», и еще труднее по таким произведениям выучиться писательскому мастерству. Но вот перед учащимся «записные книжки» писателя — его заметки, наброски, темы и планы еще несозданных, лишь задуманных произведений. С такой «записной книжкой» в руках учащийся входит уже в лабораторию творчества писателя. Допустим, классу даются для сравнения рассказ Чехова «Белолобый» и первая чеховская запись этой вещи, заключающая в себе лишь беглый набросок, который в процессе обработки сильно изменился у Чехова:

«Волчиха нервная, заботливая, чадолюбивая утащила в зимовье Белолобого, приняв его за ягненка. Она знала раньше, что там ярка, а у ярки дети. Когда тащила Белолобого, вдруг кто-то свистнул, она встревожилась и выпустила его из рта, а он за ней... Пришли на место. Он стал сосать ее вместе с волчатами. К следующей зиме он мало изменился, только похудел и ноги у него стали длинней, да белое пятно на лбу приняло совершенно трехугольную форму. У волчихи было слабое здоровье».

Класс шаг за шагом, слово за словом, следит за развитием рассказа из этого наброска: как автор расширяет рассказ, из одного определения делает целую фразу, как он меняет план рассказа, даже самую фабулу.

В наброске.

В рассказе.

1. Волчиха нервная, заботливая, чадолюбивая...

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Ее волчата, все трое, крепко спали, сбившись в кучу, и грели друг друга. Она облила их и пошла... Волчиха была слабого здоровья, мнительная; она вздрагивала от малейшего шума и все думала о том, как бы дома без нее кто не обидел волчат. Запах человеческих и лошадиных следов, пни, сложенные дрова и темная, унавоженная дорога пугали ее; ей казалось, будто за деревьями в потемках стоят люди, и где-то за лесом воют собаки. Она была уж не молода и чутье у нее ослабло и т. д.

¹⁾ См. отзыв в журнале «Русский язык в советской школе» № 2, стр. 164—167.

Внимательное сопоставление приводит к определенным выводам: манера письма выясняется во всех своих приемах.

Такая же работа продлевается с набросками рассказов «Новая дача», «Ионыч», «Человек в футляре», с выполненными рассказами. Потом класс берет из «Записных книжек» Чехова «зародыш рассказа», оставшийся невыполненным, и уж сам творчески развивает его. Например, учащиеся заносят в тетрадь такую чеховскую запись:

«В театре. Господин просит даму снять шляпу, которая мешает ему. Ропот, досада. просьба. Наконец, признание: «Сударыня, я — автор». Ответ: «А мне все равно». (Автор в театре, тайно от всех.)

Развитие этого скупого конспекта в законченный рассказ может идти двояким путем. Одни учащиеся захотят просто дополнить жанровыми подробностями каждое отдельное положение записи, причем порядок следования моментов сохраняется тот, который представлен в чеховском наброске:

«Звонок. Театральный зал переполнен. Разодетые дамы с коробками конфет в руках жеманно проходят между рядами кресел, отыскивая свои места. За ними, как вишноваты, плетутся их спутники — мужчины. Тут и там слышатся краткие замечания. иногда колкие, ядовитые.

— Как тебе покажется это гнездо аиста? — спрашивает одна дама, указывая глазами на шляпу другой дамы, сидящей несколькими рядами ближе ее к сцене.

— От души жалею того несчастного, кто будет сидеть за этой дамой. Он может заранее убраться домой, не ожидая представления; из-за этого гнезда уже ничего не увидишь... и т. д.

Другие учащиеся сделают конец чеховской записи началом рассказа: они раньше всего познакомят предполагаемого читателя с автором пьесы, болезненно-самолюбивым и в то же время робким, неуверенным в себе. Сегодня в первый раз ставится его произведение. Он боится провала. насмешливых отзывов в прессе, шканья, свистков, возмущения публики в театре. Автор плохо спал две последние ночи. Недостатки в пьесе, которые он чувствовал и раньше, теперь осознаются им как прямые нелепости. «Что за идиотство!» — шепчет он с отвращением, припоминая отдельные сцены и даже отплеивается, будто проглотил что-то противное и вонючее, — просто ни с того ни с сего нажрался масляной краски... И т. д.

Словом, учащиеся не только пользуются чеховской фабулой, но пытаются и развивать ее в чеховском тоне, о котором у них создалось довольно ясное представление после анализа ряда произведений А. П. Чехова.